

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М.Д. Коваленко

Новосибирский государственный университет

Особенности интерпретации системы будущего времени древнегреческого языка в заметках А.А. Некрасова к русскому переводу Нового Завета

Аннотация: В статье анализируются рекомендации к грамматической интерпретации и переводу древнегреческих форм будущего времени, предлагаемые профессором А.А. Некрасовым в его заметках к переводу Нового Завета на русский язык.

The paper is devoted to Professor A.A. Nekrasov's suggestions about grammatical interpretation and translation of future tense in ancient Greek. Our research is based on Nekrasov's notes about the translation of the New Testament.

Ключевые слова: древнегреческий язык, русский язык, Новый Завет, перевод, библеистика, грамматика, будущее время.

Ancient Greek, Russian language, New Testament, translation, Bible studies, grammar, future tense.

УДК: 81'36, 81'25, 811.34.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, гуманитарный факультет. Тел. (383) 3634017. E-mail: antiqui@yandex.ru.

Во второй половине XIX века появился в печати Синодальный перевод Библии на русский язык, что стало чрезвычайно важной вехой не только в истории русской Библии, но и в истории русского языка. Многие противники создания русского перевода стремились поставить Синодальный текст в положение вспомогательного при славянской версии, однако он сразу после своего появления приобрел характер независимого творения. Будучи первым полным переложением Священного Писания на русский язык, по историческим обстоятельствам он долгое время оставался единственным. Благодаря ему Библия вошла в число первых русских книг по тиражам, что способствовало, в том числе, развитию оригинальной богословской мысли и духовного просвещения. Синодальный перевод и по сей день поддерживает литургическое использование славянского текста, так как последовательно объясняет его в границах Нового Завета, а для инославных исповеданий в России он стал литургическим текстом. Однако Синодальный перевод не считался совершенным и окончательным, поэтому сразу же после его выхода стали создаваться труды, отражающие работу, направленную на достижение большей ясности русского текста и адекватности его греческому оригиналу. Среди авторов подобных комментариев и замечаний был и профессор КазДА Александр Александрович Некрасов (1839–1905).

Основным поводом для обращения А.А. Некрасова к переводу Священного Писания послужили неоднократные вопросы к нему молодых специалистов по поводу некоторых мест русского перевода Нового Завета. А эти «недоумения», как считал Некрасов, в большинстве случаев возникали «вследствие неумения понимать древний греческий подлинник книг Нового Завета» [Родников, 1906, с. 24]. Таким образом, главной целью его работы было создание лингвистически

точного перевода греческого оригинала. Большая часть правок Некрасова, относящихся к грамматике, представляет собой правку в области глагольной системы.

Настоящая статья посвящена исправлениям перевода греческих форм будущего времени, причем будущее время мы определим в соответствии с представлениями о нем автора. В первую очередь мы рассмотрим выделяемые автором типы будущего времени, различающиеся по модальности.

1. Модальные трансформации

В комментарии к правке одного из стихов в своей монографии о переводе Евангелий Некрасов пишет: «У греков – три формы будущего: это, во-первых, – будущее изъявительного наклонения, во-вторых, – все сослагательное наклонение и, наконец, – все желательное наклонение. Первою из них обозначается такое будущее действие, выполнение которого, по мнению говорящего, не подлежит сомнению, второю – такое, для выполнения которого, также по мнению говорящего, существует довольно данных в настоящем, и наконец, третьей – такое, для выполнения которого нет, по мнению говорящего, никаких положительных данных в настоящем, а существуют только одни предположения, надежды, желания. Поэтому к первой форме всегда, когда это требуется контекстом, позволительно прибавить: *действительно*, – ко второй: *вероятно*, или *а это вероятно*, и – к третьей, *желательно*, или: *а это желательно*» [Некрасов, 1888, с. 44–45].

Исходя из этой попытки автора разграничить модальные оттенки выделяемых им будущих времен можно выделить три соответствующих группы правок.

1.1. Изъявительное наклонение

Индикатив будущего времени в греческом языке обозначает обычное действие, которое произойдет после момента речи [Славятинская, 2003, с. 135]. Для выражения вышеприведенного значения несомненности действия в будущем с точки зрения говорящего Некрасов использует различные средства. Во-первых, это уже названное слово *действительно*:

1) *и тогда расхитит дом его* → *а тогда он действительно расхитит дом его* (Мф 12, 29)¹.

Во-вторых, таким средством служат модальные глаголы со значением долженствования: *быть вынужденным* и *быть должным*. Такие формы оцениваются Некрасовым как формы будущего времени в том числе и в таких случаях, как пример № 5:

2, 3, 4) *Что же сделает хозяин виноградника? – Придет и предаст смерти виноградарей, и отдаст виноградник другим* → *Что же вынужден будет сделать (или: как же вынужден будет поступить) хозяин виноградника? Он будет вынужден придти и предать смерти виноградарей...* (Мк 12, 9);

5) *успокаиваем сердца наши* → *должны смирять сердца наши* (1 Ин 3, 19).

1.2. Сослагательное наклонение

Согласно традиционным греческим грамматикам, сослагательное наклонение обозначает действие, которое осуществляется или будет осуществляться с большой долей вероятности: предопределенное и вероятное действие [Славятинская, 2003, с. 121].

Во всех случаях исправлений Некрасова, относящихся к переводу греческих глаголов настоящего времени сослагательного наклонения, в Синодальном переводе глагол стоит в настоящем времени индикатива. 4 правки этой группы входят в стих Мк 4, 27: *Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит (1), и встает (2) ночью и днем; и как семя всходит (3) и*

¹ Здесь и далее слева от стрелки приводится вариант Синодального перевода, справа – исправленный Некрасовым текст, в скобках – местоположение глагольной формы в тексте Нового Завета.

растет (4), не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе (Мк 4, 26–28). Некрасов указывает на сослагательное наклонение глаголов и предлагает следующее чтение: *может он спать (1), может и бодрствовать (2) ночью и днем; и семя станет всходить (3) и расти (4)*, а как, сам не знает. На первый взгляд может показаться, что правка двух первых единиц заключается в добавлении к значению глагола модального оттенка – значения действия, осуществляемого с большой долей вероятности. Такой перевод отвечает предписаниям грамматик о значении сослагательного наклонения. Однако третья и четвертая единицы правки в варианте Некрасова стоят в форме аналитического будущего времени несовершенного вида с вспомогательным глаголом *стать*, что еще более точно соответствует общепринятым нормам перевода таких форм. Однако изученный нами материал правок позволяет предположить, что формы *может спать* и *может бодрствовать* также расценивались Некрасовым как формы будущего времени, поскольку именно так расценивались им соответствующие формы с глаголом *должен*.

Исправление, аналогичное двум последним, представляет собой замена: *если сердце наше осуждает нас* → *если станет зазирать нас сердце наше* (1 Ин 3, 20). Исправление сопровождается кратким комментарием: «καταγινώσκῃ – не выдержана форма наклонения» [Некрасов, 1892, с. 27–28].

Еще одно подобное исправление обусловлено интерпретацией Некрасовым формы греческого слитного глагола λυπέω, в парадигме которого формы сослагательного и изъявительного наклонений презенса совпадают. Переводчиками, подготовившими Синодальный текст, эта форма, вероятно, была расценена как форма индикатива и переведена настоящим временем. Некрасов же пишет: «Форму λυπέω непременно следует считать формою сослагательного наклонения» [Некрасов, 1892, с. 61]. На основании данного мнения производится следующее исправление: *если я огорчаю вас* → *если я стану подвергать вас печали* (2 Кор 2, 2).

Аналогичными причинами вызвана правка в стихе 1 Фес 3, 8. Некрасов принимает «форму ζῶμεν за форму сослагательного наклонения» [Некрасов, 1892, с. 77], сопровождая правку уточнением лексического характера, и перевод глагола принимает следующий вид: *мы живы* → *мы можем утешаться жизнью* (или *жизнь наша будет нам в радость*).

В следующем случае форма аориста «ἐπίστω переведена ... тремя словами: *иметь возможность распространять (излагать)*, на том основании, что это – форма сослагательного наклонения» [Некрасов, 1892, с. 57]. Автор не ставит в этом месте глагол совершенного вида, как этого требовал бы аорист, но добавляет соответствующее наклонению модальное значение: *за то, что благовествую* → *в том, чтобы иметь возможность распространять (излагать)* (1 Кор 9, 18). Этот единственный пример правки, содержащий форму аориста, находит подтверждения и в исследованиях по греческой грамматике. Так, в статье для французского Библийского словаря [Dictionnaire de la Bible, t. III, col. 312–331], переведенной Н.Н. Глубоковским, в качестве одной из синтаксических характеристик новозаветного греческого языка названо сближение или даже уравнивание грамматических значений и употребления изъявительного наклонения будущего времени и сослагательного наклонения аориста [Глубоковский, 1914, с. 25].

1.3. Желательное наклонение

В соответствии с тем, что в новозаветном языке опатив начинает выходить из употребления и встречается довольно редко [Глубоковский, 1914, с. 27], правка перевода глагола в опативе встречается в рассмотренном нами материале всего единожды. В данном случае глагол настоящего времени, стоящий в Синодальном переводе, заменяется глаголом в форме аналитического будущего времени несовершенного вида: *страдаете* → *страдать будете* (1 Пет 3, 14).

Помимо модальных оттенков будущего, А.А. Некрасов, очевидно, различал будущее время и по виду.

2. Видовые трансформации

В греческих грамматиках не отмечается различий между будущим временем совершенного и несовершенного вида [Славятинская, 2003, с. 126–127]. По мнению Э. Черного, это обстоятельство «объясняется естественным образом тем, что будущее вообще *неопределенно, неизвестно*, почему и более точное означение длительности или краткости (и однократности) будущих действий или состояний далеко не в той мере поддается нашему суждению, как прошедшее или настоящее события. Впрочем, недостаток будущего *краткого (совершенного)* вида в некоторой степени вознаграждается в греческом языке конъюнктивом и опативом аориста» [Черный, 2008, с. 507]. Однако в переведенной Н.Н. Глубоковским статье Германа Штокса [Stocks, 1913, 8, с. 633–653; 9, с. 681–700] о новозаветном греческом говорится, что «в области будущего различают ныне оттенок длительности и непосредственно наступающего действия». Данное утверждение иллюстрируется примером из стиха 1 Кор 15, 28¹, где *τότε ὑποταγήσεται* «могло бы означать, что второе пришествие Господа мыслилось как нечто такое, что откроет новый род подчинения Сына Отцу, а не продолжающееся состояние, которое вполне видимо уже заранее» [Глубоковский, 1915, с. 32]. Вероятно, можно считать это противопоставление соответствующим видовому, а в вышеуказанном стихе значение совершенного (непродолженного) вида обеспечивается союзом (*ὅταν...*) *τότε*, который в данном случае можно перевести как ‘(когда...) тогда’, ‘после этого’, ‘в этом случае’, а также собственным значением глагола. Вероятно, именно этот последний критерий и действует чаще всего при выборе той или иной формы будущего времени для перевода, что характерно в том числе и для Некрасова.

Первая группа исправлений, которую мы рассмотрим, достаточно разнородна относительно оригинального греческого текста, но в русском варианте все эти примеры представляют собой замены глаголов будущего времени совершенного вида глаголами в аналитическом будущем времени несовершенного вида:

- 1) *услышите* → *будете слышать* (Мф 24, 6);
- 2) *сделает зло* → *будет обижать* (или: *будет причинять зло*) (1 Пет 3, 13);
- 3) *упасет* → *будет пасти* (Мф 2, 6);
- 4) *даст* → *станет отдавать* (Лк 16, 12).

В первом случае греческий оригинал представляет собой аналитическую форму *μελλήσετε ἀκούειν*. Глагол *μέλλω* ‘намереваюсь, я намерен, имею в виду (на уме), собираюсь, мне предстоит, мне суждено, приходится (придется), желаю, предполагаю, должно; (следует) ожидать, могу, хочу’ (все в смысле *намерения*) [Черный, 2008, с. 508], как и другие вспомогательные глаголы греческого и русского языка, сам не должен ставиться в будущее время. Но именно такой случай мы можем наблюдать в данном стихе, что на данный момент не нашло логического объяснения.

Замена № 2 может быть объяснена тем, что в греческом тексте на этом месте стоит причастие будущего времени, которое может быть переведено как ‘намеревающийся причинить зло’. Это длительное действие.

Замены несовершенного вида совершенным – это две единицы правки перевода Апостола, входящие в сходные между собой контексты:

- 1) *будет обвинять* → *произнесет обвинение* (Рим 8, 33);

¹ Синодальный перевод этого стиха: *Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем.*

2) *будет праведно судить* → *имеет произнести праведный суд* (Деян 17, 31).

Первая приведенная правка, вероятно, показывает важность передачи цельного действия. Вторая замена представляет собой классический случай аналитической формы с глаголом μέλλω – μέλλει κρίνειν. Ее Некрасов передает с помощью архаичной аналитической конструкции с глаголом *иметь*, способной включать в себя глагол совершенного вида. Возможно, именно такой способ перевода Некрасов считает наиболее подходящим для форм с глаголом μέλλω.

3. Выводы

Итак, среди правок перевода греческого будущего времени нами были выделены правки вида глаголов будущего времени, которые не вполне объяснимы с точки зрения грамматической теории и не комментируются самим автором. Кроме этого, в комментариях Некрасова отражается его представление о трехчастной организации системы греческого будущего времени и о необходимости добавления при переводе уточняющих слов, передающих модальные оттенки значений, соответствующих определенному времени или наклонению.

По нашему мнению, интерпретация А.А. Некрасовым греческой глагольной грамматики, отражающаяся в его заметках к русскому переводу Нового Завета, может найти практическое применение в области грамматической теории и при переводах с древнегреческого языка. Кроме того, по крайней мере часть грамматических правок Некрасова при критическом отношении может быть учтена и при попытке создания модернизированного грамматически точного перевода Нового Завета в рамках существующей традиции, восходящей к трудам митр. Филарета (Дроздова).

Литература

- Глубоковский Н.Н. Библейский греческий язык в Писаниях Ветхого и Нового Завета. Перевод. Киев, 1914.
- Глубоковский Н.Н. Греческий язык Нового Завета в свете современного языкознания. Перевод. Петроград, 1915.
- Некрасов А.А. Чтение греческого текста святых Евангелий. Казань, 1888.
- Некрасов А.А. Чтение греческого текста Деяний и Посланий Апостольских. Казань, 1892.
- Родников Н. Очерк учено-литературной и профессорской деятельности Александра Александровича Некрасова. Казань, 1906.
- Славятинская М.Н. Учебник древнегреческого языка: Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 2003.
- Соболевский С.И. Древнегреческий язык. Учебник для высших учебных заведений. М., 1948.
- Черный Э. Греческая грамматика / Под ред. Д.В. Бугая. М., 2008. Часть I: Греческая этимология. Часть II: Греческий синтаксис.
- Dictionaire de la Bible, publié par F. Vigouroux. Paris, 1903. T. III. Col. 312–331: Grec Biblique par M. l'abbé Joseph Viteau.

Stocks Hermann. Das neutestamentliche Griechisch im Lichte der modernen Sprachforschung // Neue Kirchliche Zeitschrift. XXIV. Jahrgang (1913), No. 8–9.

Источники

Некрасов А.А. Чтение греческого текста Деяний и Посланий Апостольских. Казань, 1892.

Некрасов А.А. Чтение греческого текста святых Евангелий. Казань, 1888.

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в русском переводе. Изд. 37-е. СПб.: Синодальная типография, 1910.